

К Р О К О Д И Л

НА МИРНЫХ РЕЛЬСАХ

- Сколько времени этот поезд идёт до Берлина?
- Право, не знаю. Последний раз я ездил туда на танке.

Рис. К. Елисева

— Знаете ли вы, сэр, как ведут себя господу Арцишевские в Лондоне?

— Истинное джентльменство состоит не в том, чтобы не пролить вино на скатерть, а в том, чтобы не замечать, когда это делают другие.

**ОТ СОБСТВЕННОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА**

ЛОНДОН. Газеты сообщают, что на Бирже труда зарегистрированы первые безработные: один президент (Рачкевич), один премьер (Арцишевский) и штук десять польских министров.

МАДРИД. Укрывающиеся в Испании немецкие фашисты чрезвычайно довольны предоставленными им условиями. На свойственном им уголовном диалекте они официально констатируют: здесь не жизнь, а «малина»!

АНКАРА. Здесь неожиданно обнаружено активное и решающее участие Турции в войне против Германии. Это сенсационное открытие

сделал турецкий журналист Ялчин, который в одной из своих статей авторитетно заявил, что если бы турецкая дружба не преградила немцам путь на Кавказ и на восток, то исход войны был бы иным. Что касается услуг, оказанных немцам, Ялчин объясняет их очень просто: дружба — дружбой, а служба — службой.

АФИНЫ. Здесь официально сообщают, что на Олимпе попрежнему всё спокойно. Как сообщают неофициально, в результате этого олимпийского спокойствия с каждым днём количество избитых и арестованных греческих антифашистов увеличивается.

ЛОНДОН. Письма Риббентропа к Черчиллю и Идену, задержанные в пути вместе с отправителем, наконец, сюда доставлены. Что касается ответа, то отвечать за всё будет отправитель.

Летний воздух будто брага,
В небо чистое гляжу.
У берлинского рейхстага
На скамеечке сижу.
Ну, конечно, мне приятно,
Что сижу в Берлине я,
Но милее мне, понятно,
Наши русские края.
Над Берлином
В небе синем
Знамя алое горит.
Цветом красным
Очень ясно
О победе говорит.
Эх, родная,
Дорогая,
Сердце жаркое к тебе летит!

Зверя кончили в берлоге —
Больше пушки не поют.
Хороши пути-дороги,
Что на родину везут!
Ой, калинушка-калина,
Ты шепни родной моей:
— Я приеду из Берлина
Прямо к милушке своей!
Над Берлином
В небе синем
Знамя алое горит.
Цветом красным
Очень ясно
О победе говорит.
Эх, родная,
Дорогая,
Сердце жаркое к тебе летит!
Сергей АЛЫМОВ.

В ЗАЩИТУ ДОЖДЯ

МЫ, КОНЕЧНО, имеем претензию на погоду. Мы до сих пор не забыли её дождливого поведения 24 июня сего года. Парад Победы. В душе у каждого из нас голубая синева, залитая солнцем. А с сумрачного неба на всю Москву моросит противный, мелкий дождичек.

Добродушное Бюро погоды назвало это мягко: осадки. Но в то утро нам хотелось, чтоб над нами не капало. А поэтому, не разбираясь в тонкостях метеорологической терминологии, москвичи проклинали и дождь и осадки и сожалели о том, что никого нельзя привлечь к суровой ответственности за такой беспорядок.

Однако нам хотелось бы выступить в защиту дождя. Мы говорим: да, виновен, но заслуживает снисхождения.

Был такой момент на Красной площади, когда мы благословляли дождь. Вот подошла к мавзолею колонна бойцов и начала кидать к его подножию гитлеровские знамёна.

200 знамён с отвратительной свастикой. И 200 раз наше сердце радостно стучало:
— Хорошо!

И хорошо, что как раз в этот момент дождь усилился. Гитлеровские знамёна падали на мокрую землю, в лужицы и превращались в жалкие грязные тряпки.

Боец презрительно кидает наземь фашистское знамя, и нам казалось, что после этого он облегчённо вздыхал. Он подставлял руки дождевым струям, — надо же помыть руки: они только что держали гадость, что-то похуже на дохлую мышь.

Валяются гитлеровские тряпки на грязной мостовой. Дождь их сечёт и топчет. И за это мы в тот момент были благодарны дождю.

Да, дождь (или осадки) на параде — незваный гость. Но что для нас осадки (или дождь)?!

Сегодня непогодь, а завтра у нас будет солнце.

Но никогда солнце не озарит эти тряпки со свастикой. Мы в этом уверены, ибо знаем наше испытанное, проверенное в боях солнце, знаем его ненависть к мраку и знаем его старую привязанность к нам.

Л. ГРИГОРЬЕВ

АНТИФРАНЦУЗСКАЯ БОРЬБА

Рис. Б. Фридкина

Филипп Петэн — чемпион мира с немцами.

— Почему он никого не принимает? Ведь день сегодня приёмный.
— А это, видите ли, у него приём такой: никого не принимать, чтобы все принимали его за очень занятого человека.

ЖИЛИЩНОЕ ДЕЛО №...

Рис. Бор. Ефимова

1. Иван Иванович выиграл дело об освобождении принадлежащей ему комнаты, незаконно занятой Петром Петровичем.
— Выиграл! — ликую, сказал он своей жене.

2. — Програл, — печально сообщил своей супруге Пётр Петрович. — Но обжалуем.

3. Иван Иванович выиграл дело и во второй инстанции.
— Опять выиграли, — со слабой улыбкой сказал он жене.

4. — Опять проиграли! — сказал своей жене Пётр Петрович и бодро добавил: — Но обжалуем

5. — Выиграли!.. — простонал похудевший Иван Иванович через полгода после решения третьей инстанции.

6. — Програла! — весело сказал Пётр Петрович. — Всё идёт, как по маслу! Обжалуем...

7. — Выиграли! — прорыдал два года спустя Иван Иванович.

8. — Програла! — ликую, воскликнул Пётр Петрович. — Живём!

9. И, действительно, Пётр Петрович попрежнему живёт в незаконно занятой им комнате Иван Ивановича, а Иван Иванович попрежнему выигрывает дело об освобождении комнаты, незаконно занятой Петром Петровичем.

Мирные размышления сатирического поэта

Заложив вираж прощальный,
Самолёт поднялся вверх,
Путь недалгий, хоть и дальний,—
До свиданья, Кенигсберг!
До Москвы часа четыре,
Я пока ещё в мундире,
Между небом и землёй,
Между миром и войной.
Я пока ещё в мундире,
И войны сегодня нет,
Впрочем, на войне и в мире
Я по должности сатирик,
Сатирический поэт.

За войну, как говорится,
Мы настроились на фрица:
Гитлер, Геббельс, Геринг, Лей,—

Крой и рифмы не жалею.
Ну, а как нам быть теперь,
За войной захлопнув дверь,
Если им пришёл конец,
Если Лей в плену, подлец,
Если Гиммлер отравился,
Если Геббельс застрелился
И не тема, а мертвец?
Ведь сатирик, между тем,
Остаётся между тем!
Даже сам Борис Ефимов
Не рисует их совсем.

Где сюжет возьму теперь я —
Без сюжета, как без рук!
Неужели спрятать перья
И сатиру бросить вдруг?

Невесёлый и угрюмый,
Все ответы я отверг...
Вот о чём в пути я думал,
Покидая Кенигсберг.

Вскоре начал я своё
Невоенное житье.

Вот приехал... Всё мне впору
И приятно для души,
Словно обновлённый город,
Люди очень хороши.
Жизнь идёт, кипит работа,
И работают в охоту.
Где война? Прошла война,
И теперь всегда весна.
Ну, а мне с чего начать?
Мне же нужно обличать...

Оказалось, что сначала
Надо справки получать.
Справку, выданную в том,
Что я в свой въезжаю дом.
И необходимо мне
С печатью отношение,
Что я к собственной жене
Имею отношение.
И что сестра — сестра моя,
И плюс незамедлительно
Две справки в том, что лично я
Есть лично я действительно.

Я за каждой справкой этой
С удовольствием ходил —
Вот и тема для поэта,
Это ж можно в Крокодил!
Я ходил по учреждениям,
Я смотрел на объявленья,
И брала меня тоска:
То и дело пропуска.
И куда ведь, к мелким самым,
Так сказать, к десятым замам
Ни пройти, ни встать, ни сесть:
Всюду слышно: «Пропуск есть?»
Скажем, есть. Приёмный час.
Но едва ли примут вас,
Потому что заседание
У начальника сейчас.
Вот и ждётся. Порядка нету,
Как тут время скоротать?
Впрочем, стойте. Ведь про это
Тоже можно написать!
Очевидно, пригодится
Нам колючее перо...
Я попробовал спуститься
Как-то вечером в метро.
Я сказал: «Зачем толкаться?»
Мне сказали: «Идиот!»
Я сказал: «Зачем ругаться?»
Матом мне заткнули рот.
Возле школы я с парнишкой
Захотел поговорить,
Улыбнулся мне мальчишка:
— Дядя! Дайте закурить!
Побывал я как-то дома
У одной своей знакомой.
Об одном она мечтает —
Быть моложе и свежей...
Дама «Правды» не читает,
Но зато все моды знает
И по моде всё меняет —
От причёсок до мужей...

Возвращаясь к жизни мирной,
Находил и темы я.
Нет, ещё нужна сатира,
Как ещё нужна, друзья!
Развернёшь с утра газету:

— Это... это... это... это...
Ведь для нас не только здесь —
В целом мире темы есть.
Посмотрите на мадридца,
Что-то он похож на фрица,
Посмотрите — Аргентина,
Словно пригород Берлина,
Посмотрите — иногда
В Тёмзе мутная вода.
Паны мутят воду эту —
Снова тема для поэта.
Нет, ещё мы живы, братцы!
Нам и в мире мира нет —
Надо нам за перья браться:
Есть они, с кем должен драться
Сатирический поэт!

М. СЛОБОДСКОЙ

ШОУ И КАРИКАТУРА

— Карикатуры никогда не похожи на меня, — рассказывал Шоу, — только один раз в квартире моего приятеля я увидел хорошую карикатуру на себя. Правда, это была злая карикатура, но в ней было настоящее мастерство. Но вдруг карикатура зашевелилась, и я увидел, что это было зеркало...

ПРО МАХ МЭРИ ГОПКИНС

Рядовой женского вспомогательного корпуса Мэри Гопкинс шагала по пыльному шоссе. В стороне она заметила маленькое озеро, окружённое группой цветущих деревьев. Мэри не удержалась от искушения искупаться и позаторать. Но едва после купания она разлеглась на солнце, как заметила приближавшегося по шоссе офицера. Мэри поспешила одеться и вздохнула с облегчением, успев застегнуть последнюю пуговицу до того, как офицер показался на прогалине. Однако он не обратил на неё внимания. Подойдя к краю озера, он повернулся на каблуках и крикнул:

— Маскировочный батальон, шагём марш!

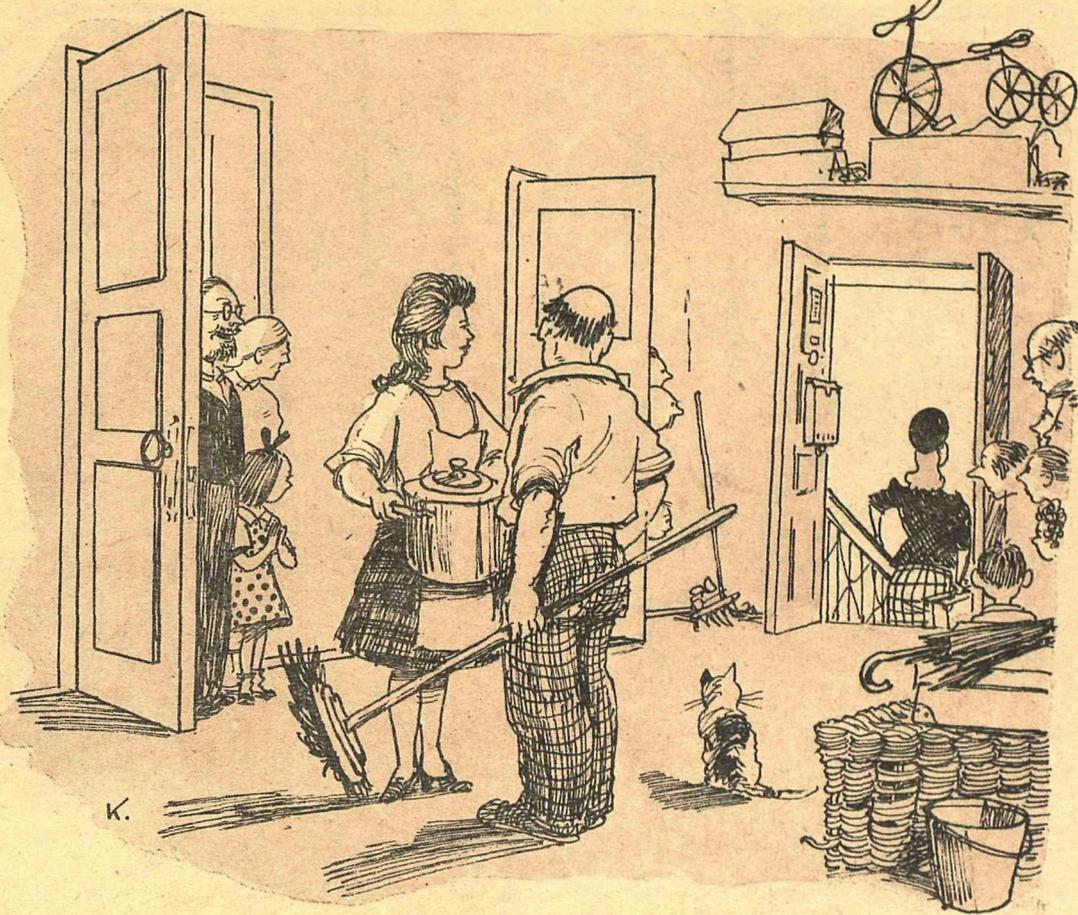
И каждое дерево около озера шагнуло вперёд!

ТАКТИЧНЫЙ КИНООПЕРАТОР

Прославленная кинозвезда Марлен Дитрих недовольна снимками, сделанными известным кинооператором.

— Последний раз, когда я снималась у вас, снимки были превосходны, — капризно заявляет она.

— О, да! — вздыхает оператор. — Но не забудьте, что я был тогда моложе на восемь лет...

К.

— Ну, теперь вся квартира отдохнёт! Ляпкина уезжает в дом отдыха.

Печальная история

ВОЗМОЖНО, вы или ваши друзья поедете в дом отдыха или санаторий.

В наизидание отдыхавшим, плавающим и путешествующим я хочу рассказать печальную историю.

Будьте бдительны, друзья, будьте бдительны и осторожны, а посему обращаюсь к вам с серьёзным предостережением: купайтесь, загорайте, играйте в волейбол, принимайте процедуры, но ни в коем случае не увлекайтесь опереточными мотивами.

Один такой мотив и погубил знакомого мне молодого человека, Сеню Спичкина, отважного счетовода банно-прачечного треста.

Было это до войны, — если не ошибаюсь, в 1940 году. Угораздило Сеню поехать отдыхать в Одессу.

Собственно говоря, Одесса тут не при чём. Хороший город — ничего не скажешь. Но в то лето там гастроллировала оперетта. Она и стала камнем преткновения для Сени Спичкина.

Надо вам сказать, что счетовод был неуязвимым поклонником лёгкой музыки. И вот на курорте вместо того, чтобы невозмутимо принимать холодный душ или азартно играть в домино, он направил свои легкомысленные стопы на «Баядерку».

Уже во втором действии ему полюбился один мотивчик. Отсюда и пошло. Сеня потерял покой. Перестал соблюдать мёртвый час. Прекратил хождение к врачу. И, обладая пониженной кислотностью, начал проявлять такой повышенный интерес к «Баядерке», что это не могло не отразиться на его истории болезни.

Где бы он ни был, он мурлыкал тот самый мотивчик, который так жестоко очаровал его. Но беда в том, что мотивчик был малость запутанный, с какими-то специальными для затемнения сознания трудящихся масс вариациями.

Эти-то вариации и не давались нашему герою. Спичкин ходил почти каждый вечер в оперетту, упражнялся, старался, потел, извините за выражение, но ничего не получалось.

А тут появилась новая трудность: Спичкин узнал, что через несколько дней его мотивчик перебирается из Одессы в Батуми. Как же быть с вариациями?

И он решил ехать в Батуми. Ехать тем же морем, на том же теплоходе, что и раньше. Сила искусства, это ты!

Правда, злые языки (они водятся на каждом курорте) утверждали, что главную роль во всём этом играет не сама песенка, а её исполнительница. Но давайте не обращать внимания на непроверенные слухи. Не знаю, как вы, но я лично почему-то убеждён, что нашего счетовода пленил только лишь мотив, который, как известно, является именем существительным мужского рода.

Итак, он едет в Батуми. Недельки на две. Но тут опять возникла новая трудность. И зовут её Нина.

Она в Москве — Нина. На Балчуге. Это невеста Сени Спичкина. И Се-

ня уверял, что он её крепко любит. Тем не менее, как видите, Нина не помешала ему увлечься лёгким музыкальным номером.

По договорённости с Ниной он ей акуратно через день посылал из Одессы немногословную телеграмму:

«Здоров целую Сеня».

По непонятным для меня причинам (я вообще в этих делах мало смысло) Сеня решил скрыть от невесты и свои одесские музыкальные увлечения и гастроль в Батуми. Как же быть с телеграммами?

Но и эта трудность была успешно преодолена. В Одессе он успел подружиться с одним местным молодым человеком, тоже любителем оперетты. Звали его не то Коля, не то Толя.

Поговорив с Толей (или с Колей) по душам и оставив ему деньги и адрес Нины, он поручил ему — до своего возвращения в Одессу — посылать через день в Москву, на Балчуг, телеграфную информацию:

«Здоров целую Сеня».

Дальше события развиваются таким образом. Сеня пробыл в Батуми больше двух недель. Боясь просрочить отпуск, он прямо едет в Москву.

Нина проживает в том же доме, что и он. Больше того — в том же подъезде. Только на другом этаже. А работники связи обычно оставляли письма, газеты, телеграммы внизу, у швейцарихи Пахомовны.

Заходит Сеня в подъезд, начинает на столике Пахомовны рыться в корреспонденции. И первое, на что он наталкивается, — телеграмма Нине из Одессы: «Здоров целую Сеня».

Он прячет телеграмму. Но через день он опять на том же месте находит телеграмму из Одессы: «Здоров целую Сеня».

Коля (или Толя) оказался услужливым парнем. Он давно уже израсходовал оставленные ему Спичкиным деньги и уже на свои средства, не жалея затрат, шлет: «Здоров целую Сеня».

Можно было, конечно, протелеграфировать ему — прекратить загрузку телеграфа. Но Сеня не знает его адреса.

А вдруг Нина наткнётся на телеграмму? Что она подумает? Ужас! Спичкин через день бегает в обеденный перерыв домой, чтоб перехватить очередную одесскую депешу. Жизнь стала сложной и тяжёлой...

Вскоре Сеня и Нина поженились. Вернувшись из запаса с молодой женой, Спичкин сразу заметил на столике швейцарихи телеграмму. Это он, Коля или Толя, чтоб его чорт побрал...

Я встретил Сеню Спичкина через месяц после его свадьбы. Он был бледен, растерян.

— Что делать? — сказал он хриплым голосом. — Мучаюсь и страдаю. Этот проклятый одессит до сих пор не унимается. «Здоров целую Сеня» — пунктуально через день, как заведённая машина. Он меня погубит!

Потому, товарищи, я и говорю: будете на курорте, сходите изредка в оперетту, если вам очень хочется, но не проявляйте особого интереса к мотивам с вариациями. Ну их!

Г. РЫКЛИН

— Если этого укротителя не укротят, мы отказываемся работать!

Скорая помощь

МОЛОДОЙ артист Аркадий Берёзкин стоял на балконе второго этажа и любовался пейзажем. У Аркадия было отличное настроение — наступающий вечер сулил много приятного. В девять тридцать предстояла волнующая встреча с Люсей у подъезда кино. После кино намечался шумный ужин у Володи Зайцева.

Разглядывая прохожих, Аркадий увидел девушку в военном. Она шла лёгкой походкой, и ветер шевелил её светлые волосы. Девушка была прекрасна. Аркадий смотрел на незнакомку, перегнувшись через перила балкона. Когда она подошла, сердце артиста застучало с такой силой, что девушка остановилась. Она оглянулась по сторонам и вдруг подняла голову.

— Простите, пожалуйста, — сказала девушка, — это дом четырнадцать, да?..

— Совершенно верно, — ответил Аркадий.

— Благодарю вас, — сказала девушка и вошла в подъезд.

Аркадий стал ждать. В подъезде было двенадцать квартир... А вдруг прекрасная незнакомка позвонит в его квартиру, в квартиру номер четыре?.. А вдруг?..

В этот момент раздался звонок. Один, два, три... Нет, это не к нему. Это к Зиминным.

Аркадий услышал звук отворяемой двери и голос Нины Зиминной:

— Тамарочка!.. Здравствуй, милая!..

После этого в коридоре стало тихо.

Аркадий стал расхаживать по комнате из угла в угол. Мысль его работала с лихорадочной быстротой. Прежде всего нужно по-

знакомиться. Но как?.. Войти к Зиминным, одолжить газету, случайно задержаться. Нет, это примитивно. Что же делать?..

Аркадий вышел в коридор. На вешалке у дверей Зиминных висел плащ с погонами.

— ...Капитан медицинской службы, — негромко произнёс Аркадий, — прелестно. Она доктор...
Он вернулся в комнату.

— Через пять минут мощный стратегический план был разработан во всех деталях. Достав с полки энциклопедический словарь, Аркадий без особого труда выбрал сложную сердечную болезнь, лёг на тахту, накрылся пледом и постучал в стенку. Через мгновение дверь отворилась и вошёл Гошка — малолетний сосед и поклонник артиста.

— Гошка, — тихо сказал Аркадий, — сходи к Зиминным. У них сейчас, кажется, врач. Попроси врача зайти. Скажи, что у Аркадия Петровича сердечные перебои и острая, охватывающая боль головы... Иди, Гошенька, а завтра я тебя на утренняя устрою...

Исполнительный Гошка пошёл на выполнение задания.

— Тётя Нина, — сказал Гошка, войдя к Зиминным, — у вас здесь врач имеется?

— Имеется, — ответила незнакомая девушка в военном, — а в чём дело?..

— Аркадий Петрович просил к нему зайти...

— А что с ним, с вашим Аркадием Петровичем?

Гошка поднатужился и сообщил:

— У него сердечные перебои и острая, захватывающая боль в голове!..

— Господи, какая страшная болезнь! — улыбнулась девушка в военном. — Хорошо, я сейчас приду...

Когда Гошка вышел, Нина Зимина покачала головой:

— Ох, Тамара, у нас здесь живёт один артист. Берёзкин его фамилия. Это такой тип...

А Гошка уже докладывал Аркадию:

— Аркадий Петрович, она сейчас придёт. У неё, Аркадий Петрович, орден и медаль...

— Хорошо, Гошенька, — устало сказал Аркадий, — иди себе, милый... Иди, голубчик.

Через несколько минут в дверь постучали.

— Войдите, — тихо сказал Аркадий.

В комнату вошла она. Аркадий поднял на врача взгляд, полный немого восторга.

— Что с вами?

— Садитесь, доктор, — вежливо сказал Аркадий. — Прошу вас, садитесь...

— На что вы жалуетесь?

— Простите, можно узнать, как вас зовут?

— Меня зовут Тамара Павловна.

— Значит так, Тамара Павловна... Вы меня извините, но я вас буду называть просто — Тамара... А то, знаете, очень трудно — каждое лишнее слово...

— Хорошо. Ну, рассказывайте...

— Рассказывать можно много. Для этого нам нужно специально встретиться, и я вам, так сказать, подробно...

— Нет, вы мне сейчас расскажите...
— Прежде всего у меня резко ослабела сердечная мышца. Кроме того...

Аркадий осторожно посмотрел в сторону, где, замаскированный подушкой, лежал том энциклопедического словаря, открытый на нужной странице.

— ...Кроме того... я думаю, что у меня острый миокардит, который часто, как вы знаете, является следствием инфекционных заболеваний. Чаще всего при дифтерии, Тамира, и несколько реже при брюшном тифе...

— Дальше, — заинтересовалась Тамара.

— Ну, что же ещё? При моей болезни, Тамара... объективно отмечаются бледность губ и нарушение ритма сердечной деятельности ввиду поражения узлов и проводящей системы сердца...

— Что ещё? — кротко спросила Тамара. — Что же в итоге?

— В итоге? — Аркадий бегло заглянул в книгу. — В итоге... это самое... титул членов персидского царствующего дома...

— Что?

Но Аркадий уже спохватился сам. Увлечшись, он перескочил на следующее после «миокардит» — слово «мирза».

— Таковы основные симптомы, дорогой доктор. Всё — плюс бессонница.

— И бред!..

— Какой бред?

— Ваш бред. Насчёт персидского дома...

— Ах, ну да... Это уже, так сказать, — осложнение.

— Вот что, Аркадий Петрович... Вы опасно больны. Вам нужно лежать. Я надеюсь, что вы скоро поправитесь. До свиданья!

Она вышла.

Аркадий посмотрел ей вслед.

— И чего это я про мирзу сморозил?.. Всё погубил... А она уже улыбалась.

Через четверть часа он снова послал Гошку за врачом.

Вскоре пришла Тамара и принесла таблетку.

— Вот, — сказала она, — примите это.

Аркадий, не глядя, проглотил таблетку и сказал:

— А если мне будет хуже, Тамара, можно мне вам позвонить?

— Хорошо. Звоните.

— А номер какой?..

Но Тамара уже ушла. Аркадий хотел встать и пойти к Зиминным, но вдруг почувствовал, что им овладевает какое-то оцепенение, приятное и совершенно необъяснимое... «Что со мной происходит?» — подумал Аркадий и заснул.

Проснулся он назавтра, в воскресенье, в середине дня. С трудом припоминая, что с ним стряслось, он направился в коридор. Дверь его комнаты была заперта. На полу под дверью он увидел ключ и три записки. Первая была написана незнакомой рукой. «Мне думается, что сон освежил вас. Острая форма симуляции, которой вы больны, неопасна. Смертельных исходов этой болезни в медицине не зарегистрировано. Будьте здоровы. Не забудьте — я угостила вас таблеткой люминала. Помните, вы жаловались на бессонницу. Т. П.»

С широко раскрытым ртом Аркадий развернул вторую записку: «Аркадий! Я ждала вас у кино. Я думала, что с вами что-то случилось. Пришла и узнала, что вы просто спите. Я стучала, а вы даже не открыли. Не звоните мне больше. Люся».

Аркадий, с трудом приходя в себя, добрался до тахты и, потерев рукой лоб, прочёл третью записку:

«Орёл! Мы ждали тебя у Володи, а ты не пришёл. Заезжали за тобой на машине. Соседи сказали, что ты спишь. Мы стучали, а ты не открывал. Выпил, наверное, негодяй?.. Будь здоров. Спи спокойно, дорогой товарищ!

Николай».

Аркадий, всё ещё слабо разбираясь в происходящем, вышел на балкон. Был солнечный день. По тротуару гуляли люди. Весело смеясь, прошли две девушки в военном. Аркадий быстро ушёл с балкона и закрыл за собою дверь.

БОРИС ЛАСКИН

ПЕВЕЦ БАТУРИН: — Ни сна, ни отдыха измученной душе!..
Четыре раза в день, по воле радио, пою одно и то же!..

О ПОЛЬЗЕ БАРОМЕТРА

ГРАЖДАНЕ Ташкента, прежде чем идти в баню, собираются всей семьёй у барометра, и глава семьи сосредоточенно постукивает пальцем по стеклу, определяя, не сдвинулась ли стрелка хоть на иоту в сторону «дождя» или, ко всеобщей радости, категорически стоит на «великой суши».

Об этой ташкентской традиции не знал некий гражданин, назовём его условно Рыдаев, приехавший в Ташкент и вздумавший зайти в баню и омыться от дорожной пыли.

— Назовите мне, пожалуйста, лучшее банное предприятие, — с изысканной вежливостью столетнего жителя спросил Рыдаев постового милиционера.

— Конечно, это бывшая Образцовая, а ныне Центральная баня, на улице «Правда Востока», — не задумываясь ответил милиционер.

В бывшей Образцовой, а ныне Центральной, Рыдаев испытал всё, что полагалось: за замок от бельевого шкафчика банщик дополнительно потребовал трёшницу; с давно некрашенного потолка капала какая-то ржавая вода; он прятался от ветра, врывающегося из разбитого окна и охлаждавшего распарившихся моющихся; наконец, он стоически сидел на мраморных лавках, ожидая, когда из кранов с надписью «горячая» перестанет течь вода, только что перешедшая из твёрдого в жидкое состояние.

Но всё это были, так сказать, мелкие, не принципиальные неувязки в недостаточно налаженной работе коммунального отдела Ташкентского горсовета. Подлинная неприятность ожидала

беднягу Рыдаева по выходе из бани; и только тогда он узнал о ташкентской традиционной любви к барометру и понял весь её глубочайший практический смысл.

Рыдаев взглянул в окно. Пока он мылся, начался ташкентский дождь — обильный и упорный. А так как чистить арки в этом городе не очень любят и эти арки забыты всем, чем хотите, от старых валенок до протоколов горсовета по благоустройству, то дождевая вода затопила всю улицу и отрезала баню от внешнего городского мира.

— Гражданин, вы не пловец? — остановила Рыдаева банщица.

— Нет, — оторопело ответил Рыдаев.

— Тогда вы не одолеете: глубоко. Попробуйте чёрным ходом.

Во дворе выстроилась живая очередь к переправе. Для того чтобы выбраться на большую землю, надо было принять участие в сооружении предместного укрепления. Только что помывшиеся, жертвуя чистотой рук, выламывали из неосмотрительно оставленного здесь забора по два кирпича, передавали их гражданам, уже почти добравшимся до суши, и таким образом завоёвывали право на выход из положения.

Мокрый и злой, Рыдаев вернулся в гостиницу.

Так что метеорология — великая наука. Её любить надо. И каждого моющегося надо снабдить барометром.

Юр. АРБАТ

ВОСКРЕСНЫЙ ОТДЫХ

Рис. Г. Валька

УТРОМ

— Ничего, пусть повисят. Они едут отдыхать!

ВЕЧЕРОМ

— Ничего, пусть повисят! Они уже отдохнули!

Вторая натура

ВЕРНУВШИСЬ из армии, где он четыре года без малого работал во фронтовой газете «На мушку», молодой, но уже популярный в своём городе беллетрист Аркадий Семицетов немедленно сменил военное обмундирование на пиджачный костюм, пилотку — на кепку и вообще, как он выражался, «перекочевал меч на орало».

Процесс перекочки занял не очень много времени — и через какие-нибудь несколько дней по приезде Семицетова домой его самопишущий меч системы «Монблан» уже пахал полосы областной газеты. Вспашка была неглубокая. Мелкие были и темы, предложенные редактором.

— Вы, поди, — ласково говорил он Семицетову, — привыкли каждодневно минимум одну европейскую столицу брать? Ну, здесь у нас масштабы посромней будут. Возьмите для начала наш дачный посёлок: ремонт крыш там определён не на высоте. Или вот: промартель «Красный брючник». Брюки у неё не на уровне.

И, улыбая на лице у беллетриста выражение некоторого разочарования, добавил, как бы извиняясь:

— Надо на мирные рельсы переходить.

— Есть переходить на мирные рельсы, товарищ ответредактор! — по-военному ответил Семицетов и, механически напевая на мотив какого-то походного марша: «На мир-ные рельсы... на мир-ные рель-сы!», — вышел из редакторского кабинета. Минуту спустя он сидел в корректорской, где на правах временного жильца приютился не предусмотренный сметой и поэтому не имеющий собственной жилплощади литературный отдел, и строчил на листах газетного срыва.

«Дачный бронепоезд, — писал он, рассеянно макая самопишущее перо то в красные, то в фиолетовые чернила, — стремительно нёсся по мирным рельсам. За окном мирно зеленели минные поля. На широко раскинувших свои ветви деревьях мирно сидели пританцовывая «кукушки» с автоматами. В небе; выслеживая добычу, мирно парили двухмоторные ястребки...»

Уверенно набросав этот идиллически-мирный пейзаж, Семицетов стал вырисовывать на его фоне своего демобилизованного героя. Бодро,

хоть не без помощи автора, сойдя с поезда, тяжело раненый, но легко поправившийся лейтенант Н. («Фамилия — самое трудное, — подумал Семицетов, — фамилию после придумаю») молодцевато шагал к дому отдыха. Вокруг, разумеется, —

«... всё дышало миром. Ласточки бреющим полётом пронеслись над полем... (Семицетов торопливо вычеркнул сорвавшееся с пера «боя»). Пчёлы пикировали на цветы. Пулемёты трещали, как кузнечики...» — то есть (Семицетов, спохватившись, зачеркнул написанное), — «кузнечики трещали, как пулемёты».

Герой и автор очерка совсем было освоились с мирной обстановкой: «Лейтенант прошёл уже большую часть пути, вдали уже можно было различить замаскированный деревьями ДОТ»...то есть («напишу лучше полностью», — решил Семицетов), дом отдыха, как вдруг... раздался неожиданный — и для героя и для автора — выстрел.

— Стой! Кто стреляет?! — крикнул лейтенант Н. раньше, чем автор успел придумать ему фамилию.

«В самом деле, кто стреляет?! — спросил себя Семицетов». Его беллетристический опыт был достаточно велик, чтобы своевременно сыскать замаскировавшегося вражеского снайпера, но он вспомнил о редакторе («на мирные рельсы») и отказался от испытанного варианта. Он заставил своего героя сделать «ещё один шаг». И автор увидел завязку («развязка — самое лёгкое, развязку я сейчас придумаю»). А лейтенант увидел «стрелявшую в него глазами милостивую медсестру — ту самую медсестру, которая на поле боя вынесла его из-под вражеских выстрелов».

— Точка! — весело сказал Семицетов. — Огневая точка!

И не дав рукописи на машинку, понёс её редактору.

— Сколько лет, вы говорите, пробыли на фронте? — спросил редактор, дочитав рассказ.

— Четыре без малого, — ответил Семицетов.

— Сколько лет вы не были в доме отдыха? — спросил редактор помягче.

— Без малого четыре, — ответил Семицетов.

— Оно и видно, — ласково сказал редак-

тор, — очень уж батально всё у вас получается. Я понимаю: привычка...

— Вторая натура! — подсказал Семицетов, виновато улыбаясь...

Заулыбался и редактор.

— Вот что, милый человек, — сказал он, похлопав Семицетова по плечу. — Съездили бы вы на недельку — другую в наш дом отдыха «Труд»! Отдохнёте малость за четыре года. А заодно и нам, так сказать, зарисовку с натуры напишите.

И, предупредительно подняв палец, добавил: — Только — зарисовку не со второй натуры. Договорились?

Эмиль КРОТКИЙ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ

МУХОМОР

(А. КОВАЛЕНКОВ)

Случалось ли вам собирать мухоморы в лесах, где тропинки протоптаны лешим, где ведьмы в чаще ведут разговоры, где конникам страшно и мутно пешим? Известно ли вам, что грибок-подосиновик — Пустяк по сравнению с лесным мухомором и что сыроежки в платочках малиновых Считаю я так... не грибами, а вздором? Маслята, опята и прочие рыжики — Пустяк мухомору, ничто перед ним. Они мельтешат, как начётчики-книжники, Питаясь талантом его нутряным. Нет, гриб-мухомор — это овощ богатая! Настояйка с него — не настояйка, а мёд! Не только кто муха погибнет проклятая, А, правду сказать, и читатель заснёт.

Сергей ВАСИЛЬЕВ.

ТАПАНАПАКАПА

Под таким лирическим названием недавно опубликован в одном органе рассказ Я. Кальницкого. Эмоциональное это произведение заслуживает того, чтобы познакомить с ним самые широкие круги читателей. К глубокому прискорбию, недостаток места вынуждает нас ограничиться лишь несколькими цитатами.

Цитата первая:

«Ребята бабу скатали. Толстую. С угольными глазами. Бумага во рту. Будто курит. А у Васи санки. Настоящие. Мама возит в садик и из садика. Мама бегаёт хорошо, как лошадка».

Цитата вторая:

«Сегодня мама придёт поздно. Собрание там у них. Из садика бабушка привезла. Насилу дотащила. Старенькая. Не годится в лошадки. А Вася — ударник, в садике две тарелки макарон съел».

Цитата третья:

«Потом солдат укладывает в постель. Рассказывает... Про войну, про папу. Говорит и говорит... А то вовсе и не солдат. То Тапанапакапа. Всю ночь добрый старичок рассказывает Васе свои видовые сказки».

Добрый, добрый Тапанапакапа!

Рассказ (мы этого не скрываем) вызвал у нас горячее желание научиться писать в стиле Я. Кальницкого. Не откладывая дела в долгий ящик, делаем первую попытку:

«В гор. Запорожье издаётся областная газета «Красное Запорожье». Не для детей. Для взрослых. К редактору А. Шабалину пришёл писатель. С рукописью. А то вовсе и не писатель. То Тапанапакапа. Но А. Шабалин обрадовался. Страшно обрадовался. И напечатал. Читатели недоумевают. Или возмущаются. А Кальницкий скоро принесёт ещё такой же рассказ. И снова его напечатает».

Добрый, добрый редактор А. Шабалин!»

Дружеский шарж Куврыниным

ГОРОД переживает один из жесточайших пароксизмов шахматной горячки. Ежевечерне у входа в Октябрьский зал Дома союзов теснятся организованные толпы шахматных болельщиков. Демонстрационные доски простреливаются их горящими взглядами вдоль и поперёк. Причёсок нет, есть одна всеобщая вздыбленная шевелюра. Здесь рассуждают, обсуждают, спорят, ссорятся и расстаются непримиримыми врагами... Здесь обретают неожиданных друзей и ищутся, чтоб не расставаться уже никогда. Жёлтенькие старички, розовые пионеры, голубые девушки, статные военные, несколько модных дам в шляпках а-ля «ладья»! Охи, ахи, вздохи! Филиппики, полемики, пикировки! Приятные знакомства, неожиданные встречи:

— Батюшки, Борис Сергееч, и вы здесь! Неужели тоже болеете?

— Что значит тоже! — возмущается Борис Сергееч. — Я, батенька, всю жизнь болею. Даже бюллетень взял, чтобы удобнее болеть...

...Среди толпы сауют во всех направлениях маленькие подболельщики, или, как их здесь называют, «подлещики».

Но ювы, этот темпераментный народец жестоко страдает от несправедливой домашней дисциплины.

— А, вот ты где! Наконец-то я тебя поймала, — говорит взволнованная мамаша, лишьно вцепляясь в сыновнюю майку, — иди-ка домой! Все дети спят, а эта «Капабланка» шатается здесь до полуночи...

— Эх, мама, мама! — горестно шепчет «Капабланка»

— Нечего, нечего... Иди домой.

— Иду, иду... Ах, мама, мама!

— Ну, чего ты скулишь?!

— Отстаёт Смыслов-то, мамочка! Он теперь один только ход и знает: е-два-е-два... Что ж мне делать-то теперь?

— Спать, брат, пора.

— Ой, ма, у меня что-то зуб шейтует. Дай мне, пожалуйста, твою головную эндшпильку.

— Господи, совсем ошалел ребёнок! Ты уроки-то приготовил?

— Всё в порядке, — сонно бормочет «подлещик», — всю биографию Антона Павловича Чеховера — на зубок!

— Боже мой, завтра вызову к тебе доктора!

— Ласкера? Вот здорово!..

...Шахматная лихорадка валит с ног самых стойких, самых упорных людей, она застаёт их врасплох, во сне, на работе и даже в трамвае:

— Уберите, пожалуйста, ваш мешок, я об него чулки испачкала!

— Ишь ты, всякая пешка будет мне указывать!..

— Я пешка? Я? Прекрасно! А вы просто-напросто ферзя!

И женщины отворачивают друг от друга воспалённые лица. Пауза.

— Противники согласились на ничью, — комментирует кондуктор...

...А на углу, возле закуской, некая подвыпившая личность, ведомая двумя милиционерами, произносит следующий трючеванный монолог:

— За что вы меня, уваж-ж-жаемые блостители, а? Ведь вот Ботвинник целый час думал, сказал мат, так ему все аплодировали! А я, даже вовсе не думая, это самое произнёс, так меня уж и в милицию?..

...Шахматная мода. Шахматные юбрюты. Шахматы в недрах быта.

— А я чем не гротмейстер! — весело подмигивая, спрашивает заведующий карточным бюро. — Тоже, брат, надо соображать: «Р-2—Р-4», это тебе не поддавки...

...Однако уж поздно. Пора расходиться домой. Ершить волосы, грызть карандаши, упорно смотреть в заколдованную клетчатую доску, вздыхать и будить жену:

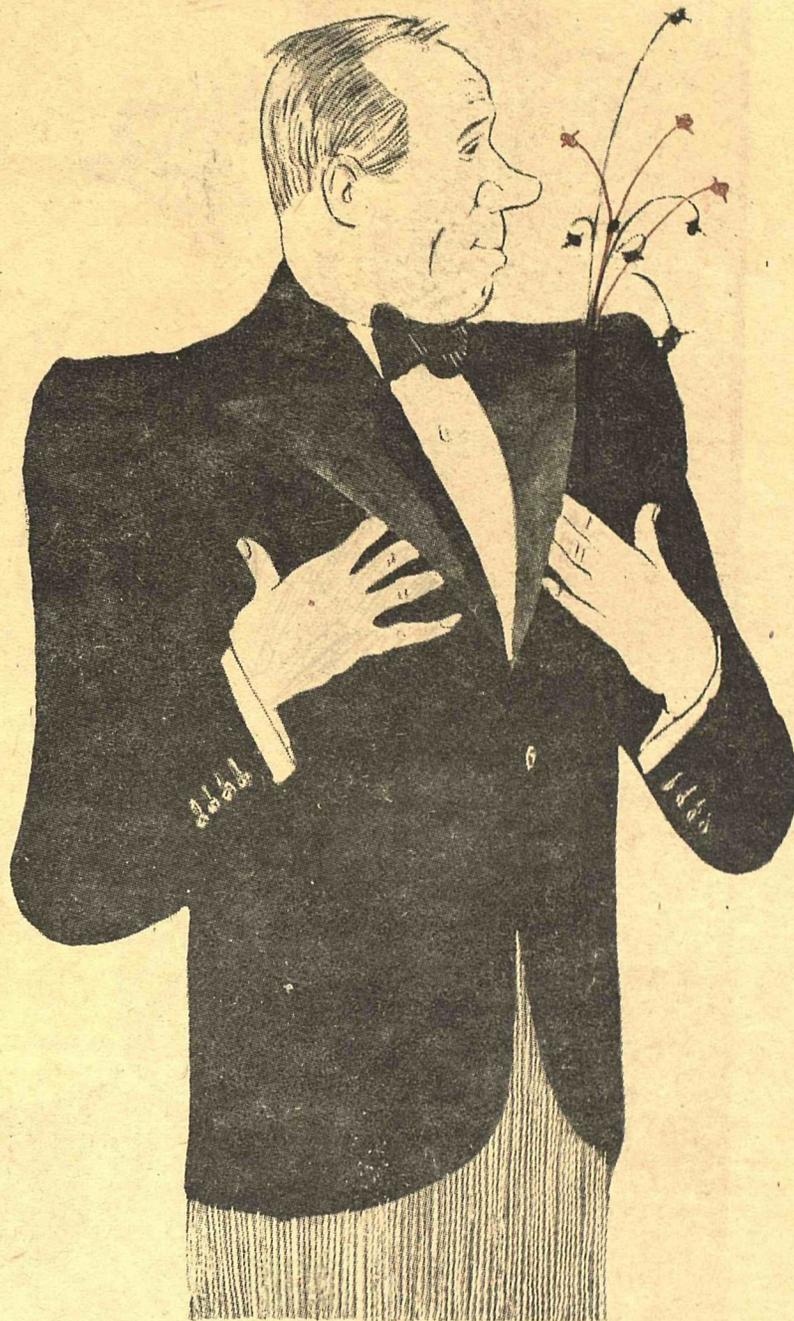
— Турой бы ему, Маша, туррой, а он... эх.

Уж совсем темно. Мирно спит тоненький «подлещик».

А у памятника Пушкину стоит голубая девушка. Нежную и тёплую её руку осторожно сжимает белокурый лейтенант. Я прохожу мимо и слышу стихи седого влюблённого перса, несравненного Омара Хайяма. Голос лейтенанта слегка дрожит:

«Слаб шахматный король пред королевой,
Но я, несчастный, пред тобой — слабей».

В. ДРАГУНСКИЙ

И. С. КОЗЛОВСКИЙ

Зане досель вима и лето
В репертуар не включены,
Он всё поёт (понятно это)
Златые дни своей весны...

С МИРУ ПО СТРОЧКЕ

ОНЕГИН И КОЧУРОВ

Читатели «Ленинградской правды» с недоумением обнаружили, что они плохо знают Е. Онегина и вообще не знают Ю. Кочурова: Онегина — как вокалиста, а Кочурова — как рецензента.

Это Ю. Кочуров в пространной рецензии «Евгений Онегин» в новых постановках сделал открытие, ошеломившее самых заядлых пушкинистов. «Онегин, — пишет Кочуров, — привлекает к себе как опытейший вокалист».

По мнению Ю. Кочурова, «игра оркестра излучает творческое и любовное выкивание дирижёра в каждый такт музыки». Нет, что ни говорите, а оркестр, излучающий внимание, — явление самобытное и редкое!

Ю. Кочуров считает, что «артистка Н. Фёдорова, исполнительница роли Татьяны, слишком путает своею болезненностью».

Не в меру перепуганный изложенной выше болезненностью языка рецензента, читатель

помигает Ю. Кочурова проникновенными пушкинскими словами:

«Нам просвещение не пристало,
И нам досталось от него
Жеманства — больше ничего».

ИСТОРИЯ С ИСТОРИЕЙ

Ученика 9-го класса на экзамене опросили:

— В каком году родился Л. Н. Толстой?

Школьник (без заминки ответил):

— В 1823 году.

Экзаменующий пожал плечами и решил задать ещё несколько вопросов. Он спросил:

— Ну, а в каком году Екатерина II предприняла крупную реформу местного управления?

— В 1755 году, — последовал ответ.

— Так. А когда она вступила на престол?

— В 1762 году, — отчеканил юноша.

— Садись! Двойка! — раздался приговор.

— Честное слово, я учил, — прошептал провалившийся. — Вот по этому учебнику.

И он протянул довольно потрёпанный эк-

земпляр «Истории СССР» для 9 кл. (средней школы, издание Учпедгиз, 1944 г.

Учитель перелистал выдавшую виды книжечку и убедился, что безграмотные ответы точно совпадают с тем, что там напечатано. Он пожал плечами и грустно сказал:

— А двойка всё-таки остаётся. Ну, если не тебе, так Учпедгизу...

К ВОПРОСУ

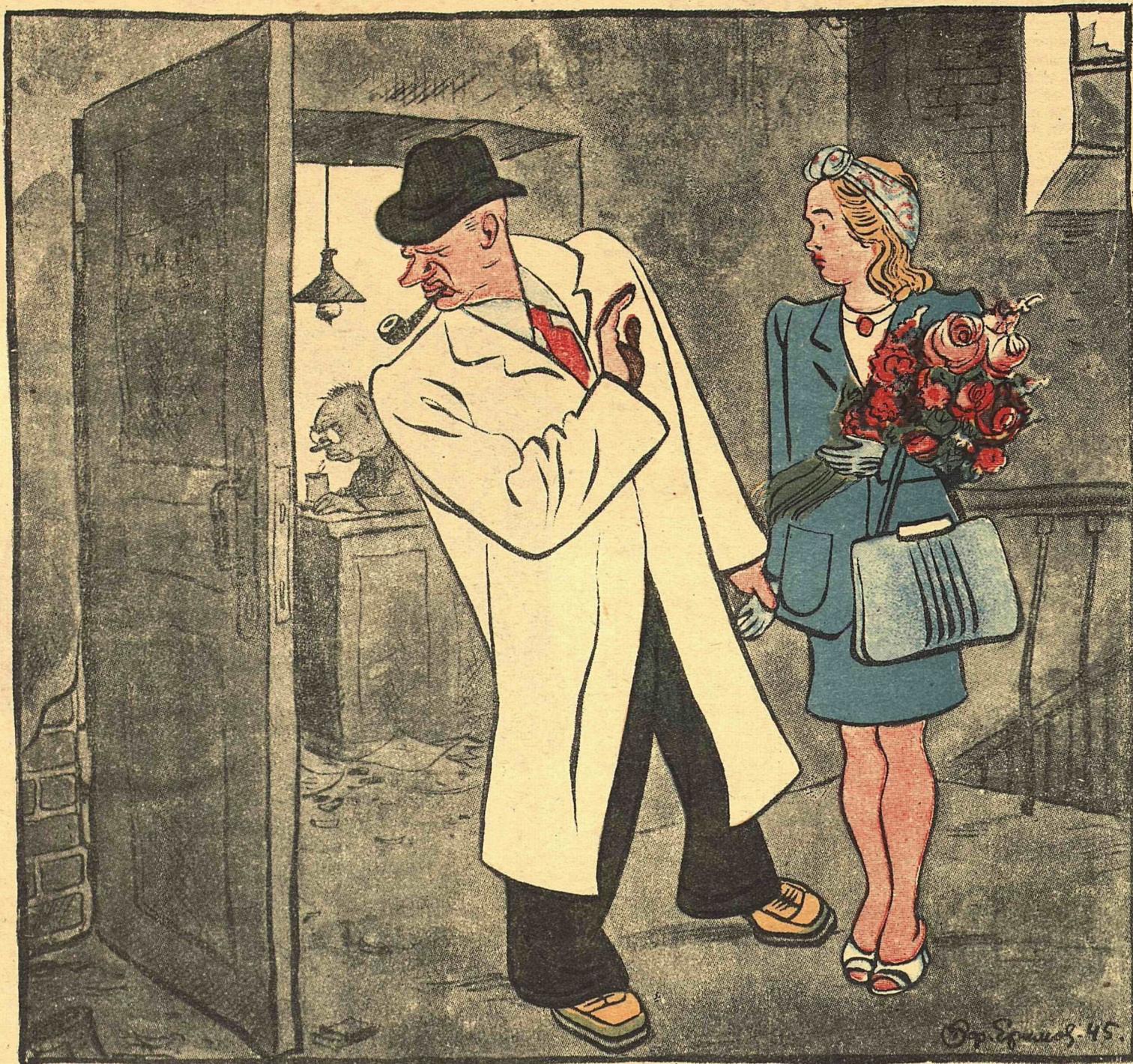
О БЛАГОУСТРОЙСТВЕ

Город Североуральск вполнею занялся вопросами благоустройства. Было вынесено даже специальное решение городского совета депутатов трудящихся, опубликованное в местной газете «Правда Севера». Читаем:

«...установить в центре города самовольно выстроенные сарай, изгороди, подлежащие сносу...»

Коль скоро Североуральск решил благоустроиваться, нельзя ли, чтобы и редакция включилась в эту кампанию и на своих страницах тоже навела порядок.

Рис. Бор. Ефимова

— Возмутительно! Седьмой раз здесь регистрируюсь, а они всё пристают с тем же вопросом: состоял ли раньше в браке?!

ОДНАЖДЫ

ЧТО ТЯЖЕЛЕЕ?

Однажды крупный богач и самодур спросил у поэта Сумарокова:

— Скажи, что тяжелее: ум или глупость?

— Глупость, — быстро ответил Сумароков, — потому что я свободно езжу на одной паре лошадей, а вас возят целой шестернёй!

ХОРОШИЙ ТОН

Однажды на дачу Марка Твена забрались воры, произвели переполох и унесли серебро. Марк Твен прибил к дверям дачи объявление: «Вниманию следующего вора.

В этом доме отныне держат исключительно мельхиоровые вещи. Их вы найдёте в медном ящике в углу, там, где спит корзинка для кошки. Если вам понадобится корзинка, пере-

ложите котят в ящик. Но, главное, не производите шума. Это обеспокоит нашу семью. Пожалуйста, не забудьте также закрывать за собой выходную дверь. С совершенным почтением С. Л. Клеменс (Марк Твен)».

ЛЕСТЬ И МЕСТЬ

Однажды какой-то гейдельбергский профессор затеял спор по женскому вопросу с молодым Берне.

Недовольный настойчивостью двадцатилетнего Берне и исчерпав все доводы в защиту своего мнения, старый профессор воскликнул:

— Не спорьте! В ваши годы, молодой человек, в этих вещах я был ещё полным дураком.

— Вы отлично сохранились, профессор! — быстро ответил Берне.

КУШАЙТЕ НА ЗДОРОВЬЕ!

Однажды беллетристы, организовавшие в восьмидесятих годах традиционные «ежемесячные обеды писателей», решили послать

приветственную телеграмму тяжело в то время хворавшему Салтыкову-Щедрину.

Телеграмма была подписана: «Ежемесячно обедающие писатели...» (Следуют имена.)

Салтыков-Щедрин ответил:

«Ежемесячно обедающим писателям.

Благодарю за телеграмму.

Ежедневно обедающий писатель Салтыков».

КОГДА НАЧИНАЕТСЯ СТАРОСТЬ?

Однажды при постановке оперы «Фауст» режиссёр спросил у композитора Гуно, которому было тогда сорок лет:

— Скажите, маэстро, какого возраста должны быть старцы в хоре стариков?..

— Они глубокие старики. Каждому из них лет шестьдесят! — ответил сорокалетний Гуно.

Через двадцать лет этот режиссёр, просматривая с Гуно репетицию «Фауста», задал ему тот же вопрос:

— Они глубокие старики! — ответил шестидесятилетний композитор. — Каждому из них лет восемьдесят — девяносто.

ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ

Жена боялась солнечного удара и купила зонтик в комиссионном магазине. Мужа, узнавшего цену этому зонтику, хватил удар.

* * *

На базаре, на возу с дынями, сидел крестьянин. Дыни были незрелые, мелкие и около воза не было ни одного покупателя.

Крестьянин с сожалением посмотрел на свои дыни, горько усмехнулся и вдруг заорал на весь базар:

— В очередь, граждане, в очередь! Без очереди никому не отпущу!

У воза стала собираться толпа.

* * *

Сидишь на вокзале и думаешь: через час должен поезд на два часа опоздать.

* * *

Купив шикарный кожаный чемодан, он думал приобрести импозантный вид. Но достиг обратного. Рядом с этим чемоданом он выглядел просто насильщиком.

* * *

— Позвоните через полчаса, — он на минутку вышел!

* * *

Он был такой хилый, что один раз, поев мятных лепёшек, простудился.

* * *

Обидно проснуться самому за одну минуту до звонка только что купленного будильника.

* * *

Кошка была мышиного цвета. Это её угнетало.

* * *

Когда все уселись за стол, хозяин воскликнул:

— Дружной вилкой ударим по колбаске!

* * *

Предместкома подошёл к дирижёру джаза и спросил:

— У вас в оркестре ударники есть?

— Есть, — ответил дирижёр.

— Сколько?

— Как сколько? — удивился дирижёр. — Один!

— Только один! — ужаснулся предместкома.

— Только один...

— Плохо поставлена у вас общественная работа. Подтянитесь!

* * *

Этот лысый был похож на одуванчик, с которого невзгоды сдули весь пух.

* * *

Я спросил: — Вы последний?

Он ответил: — В очереди да, а вообще нет.

* * *

На похороны собрался весь альбом родственников.

* * *

Старик прыгнул на ходу с трамвая. Милиционер свистнул и сделал под козырёк:

— С вас штраф, папаша!

Старик посмотрел на милиционера и покачал головой:

— Эх, милый! Мне 80 лет, а я на таком ходу прыгнул. Меня за это не штрафовать, а премировать надо!

К. ЗАЙЦЕВ

Товарищ Крокодил!

Наднях приобрёл я в Военторге бритву. Попытка её побриться — не удалось. Подпёр рукой небритую щеку и внимательно стал разглядывать неудачную покупку. Установил, что бритва называется «Спорт», производства СТИЗ. Попытка расшифровать эти загадочные четыре буквы. Пришёл к выводу, что СТИЗ означает: «Совершенно Тупое Изделие Завода».

Ничего не скажешь! Эта марка вполне соответствует выпускаемой продукции.

И. КУЛИКОВ

Полевая почта 49705-К.

Дорогой Крокодил!

Скучно живётся у нас в Нальчике милиционерам. Ни тебе особенных радостей, ни удовольствия от раскрытия запутанных преступлений. Поневоле приходится развлекаться кустарным способом!

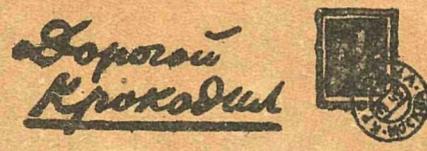
Недавно к нам в управление связи явился милиционер Караев и потребовал к себе начальника почтового отдела тов. Мацюка. А тот, как назло, был занят на докладе у своего начальства. Бюститель порядка оказался столь нетерпеливым, что пришлось подчиниться и всё-таки вызвать Мацюка. Бледный и перепуганный предстал тот перед милицейские очи. Милиционер грозно спросил его имя, отчество и фамилию и, удовлетворившись ответом, объявил Мацюку, что он арестован.

Только по дороге в милицию Караев признался, что он пошутил: его, Мацюка, вызывают в милицию, чтоб сообщить, что его багаж, считавшийся пропавшим, найден, а арестовал его он просто так, для эффекта.

После этого случая мы с тревогой ждём, какой трюк сейчас выбросит скачущий Караев.

Е. КАРЯКИНА

Город Нальчик.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Бойсь, что широкие массы населения плохо осведомлены о богатом опыте, накопленном в Кударинском аймаке (Бурят-Монголия) в области народного образования и здравоохранения.

Аймак наш образован в 1943 году. Сразу же возник ряд трудно-

стей, среди которых самая серьёзная — размещение учреждений.

Что делать? — этот мучительный вопрос не давал покоя заведующему аймкомхозом тов. Якимову. Прошло несколько дней тяжкого раздумья. И вдруг Якимов осанила блестящая мысль: «А что, если занять под учреждения больницу и школу?»

Попробовали. Результаты превзошли все ожидания.

Осталась неразрешённой проблема, как обеспечить учреждения топливом. Выход и тут был найден. Оказалось, что школьная ограда может служить превосходным топливом, а крыша школьного здания — незаменимый материал для производства железных печурок.

Можно не сомневаться, что, как активный участник борьбы на топливном фронте, Якимов не пройдёт и мимо оставшихся в аймачном центре заборов, которые из-за расхлябанности некоторых хозяйственников долгое время торчат на улицах мёртвым капиталом.

П. МУШАНОВ,
редактор газеты
«Кударинский колхозник».

НОВОСТИ БЮРОКРАТЕХНИКИ

Рис. Б. Клявча

Дорогой Крокодил!

Московский почтамт разослал своим районным конторам связи полезную директиву о том, что необходимо своевременно его извещать о недоставленных телеграммах. Районные конторы в свою очередь «спустили» директиву почтовым отделениям.

Теперь, надо думать, доставка телеграмм будет образцово налажена всюду, кроме 191-го отделения. Ибо посланная ему директива попала не к его начальнику, а... в отдел руководящих кадров Главного управления алюминиево-магниевого промышленности. И доставлена она сюда письмомощцем того же, 191-го отделения.

По всем данным, сие произошло потому, что сотрудники этого учреждения не нашли на месте своего начальника. Остаётся теперь почтамту выяснить, вообще ли этот товарищ на своём месте.

Д. АРИСТОВ

Москва.

— Моё дело — сторона... Пусть они сами между собой согласуют этот вопрос!

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

Москва.

Изд. № 482.

Подп. к печати 3/VI 1945 г.

Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½.

Кбл. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 3707.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 1377. Тираж 100.000 экз.

Рис. М. Черемных

Удаление зубов без боли.

Зурн.

18/11/45

дан
ЖИЕ